

На правах рукописи

ПИКОВ Геннадий Геннадьевич

**ЭЛИТА КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИМПЕРИИ ЛЯО, 907-1125).**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, академик РАН
Дервянко Анатолий Пантелеевич

Официальные оппоненты: **Крадин Николай Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, заведующий Центром политической антропологии
Кадырбаев Александр Шайдатович, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока
Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии

Ведущая организация: ФГБУН Институт восточных рукописей РАН

Защита состоится 29 июня 2017 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 003.027.01 в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6), на сайте www.imbt.ru

Автореферат разослан 06 апреля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется уже тем, что в научной литературе проблемы, связанные с историей кочевых обществ, их спецификой и уровнем исторического развития, были и остаются предметом длительных дискуссий. Не в последнюю очередь актуальность тематики исследования определяется и тем, что в монголоязычной зоне Восточной Азии впервые зарождается такая сложная форма государственности, как империя.

Фактором, усиливающим актуальность данного исследования, является вытекающая из аналитического рассмотрения социокультурной истории киданей возможность увидеть одновременно и сложное и диалектическое взаимодействие двух цивилизационных зон, оседлой и кочевой, которое и обуславливает своеобразие великой восточноазиатской цивилизации в целом.

Кидани занимали заметное место в истории центральноазиатского региона, объединились в рамках могущественной державы Восточной Азии того времени Ляо (907-1125) и, используя достижения китайцев и соседних народов, создали яркую цивилизацию, оказавшую существенное воздействие на эволюцию кочевого мира.

Соответственно, неизбежной и изначально обязательной задачей является рассмотрение истории киданей максимально объективно и научно. Облегчает это разрешение другой методологически и конкретно исторически важной проблемы, связанной с ролью элиты в развитии того или иного социума. История изучения киданей, по сути, есть история изучения деятельности именно элиты. Политическая история киданьского государства есть квинтэссенция информации о деятельности этого своеобразного народа-элиты.

Изучение данной проблематики имеет практическое значение не только в научном плане, поскольку отказ от односторонних оценок истории так называемых тупиковых обществ, важно и в мировоззренческом смысле.

Степень разработанности темы. Историография проблем, связанных с темой данной диссертации, невероятно обширна, ибо это историография, по сути, сразу нескольких направлений, а именно элитологии, теоретического кочевниковедения и истории киданей. Поскольку тема исследования все же сопряжена преимущественно с историей киданьского общества, то именно соответствующая литература анализируется максимально исчерпывающе и в отдельной главе.

История киданьского этноса и его государственности отражены в достаточно большом количестве монографий и статей. Почти все из них фактически не выходят за пределы информации, содержащейся в источниках и сводятся в массе своей к общим очеркам той или иной степени полноты истории киданей, однако отражают ряд мировоззренческих клише и штампов.

Историю собственно изучения киданей и, тем более, его элиты, еще никто детально и концептуально не анализировал. Разумеется, существует оценки вкладов тех или иных исследователей, в массе своей вполне справедливые, но увидеть в этом обилии публикаций особый историографический феномен еще никто не попытался.

За всю историю изучения киданей предпринимались, справедливости ради надо сказать, попытки решения отдельных проблем. В этом плане обязательно надо указать на исследования В. С. Таскина, прежде всего на его глубокие аналитические комментарии к своему переводу «Цидань го чжи» («Истории государства киданей»), и ряд статей на данную тематику, Е. И. Кычанова и, разумеется, фундаментальный труд К. А. Витфогеля и Фэн Цзяшэна «History of Chinese Society Liao (907-1125)», 1949. Все они имеют безусловную научную ценность, однако в настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть эти же проблемы с оригинальной в методологическом плане позиции.

Именно неравномерное изучение различных аспектов киданьской истории, зачастую тенденциозный и ангажированный подход к ней в целом и помогли

увидеть и сформулировать научную проблематику исследования, которая связана с необходимостью исследования двух важнейших факторов этой истории – феномена кочевой империи и роли элиты в ее создании и развитии.

Достаточна обширна литература по теоретическим и методологическим аспектам элитологии как науки.

Целью исследования является изучение роли киданьской элиты в создании и развитии кочевой империи Ляо и в итоге демонстрация особой значимости этого фактора в цивилизационно-государственной истории региона.

Для реализации этой цели поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть специфику кочевой империи киданей в контексте истории евразийской кочевой цивилизации.

2. Рассмотреть киданеведение как одно из направлений истории изучения кочевников и их элиты, выявить основные подходы к проблемам, выявленным в его рамках.

3. Рассмотреть комплекс проблем, связанных с этнополитическим контекстом истории формирования и развития киданьской элиты.

4. Рассмотреть особенности внешнеполитической деятельности киданьской элиты.

5. Определить место элиты в социально-политической структуре киданьской кочевой империи.

6. Охарактеризовать социально-политическую деятельность киданьской элиты.

7. Охарактеризовать экономическую политику киданьской элиты.

8. Рассмотреть характер и состояние киданьской имперской культуры в контексте концепции ренессанса как основной формы культурной политики элиты.

9. Рассмотреть судьбу западнокиданьского государства как эксклава и наследника империи Ляо в Центральной Азии.

10. Рассмотреть место киданей и их элиты в общественной истории восточноазиатского региона.

Объект исследования – история кочевой империи Ляо, 907-1125 гг. В сферу исследовательского внимания неизбежно попадают и другие кочевые империи, прежде всего, чжурчжэньская Золотая (Цзинь, 1115 – 1234 гг.) и монгольская Небесная (Юань (XIII в. – 1368 г.), а также иные этатические конструкции кочевников.

Предмет исследования – роль киданьской элиты в создании и развитии кочевой империи Ляо. Принципиально важным для данного исследования является рассмотрение элиты в историческом контексте, а, значит, учет специфики этой империи. Поскольку империя Ляо рассматривается как вершина этатического развития монгольских народов в период до монгольских завоеваний, это позволяет достаточно четко обозначить проблематику последующего комплексного изучения как кочевой империи, так и кочевой элиты как совокупных феноменов.

Хронологические рамки исследования определяются, прежде всего, временем существования и расцвета империи Ляо (907-1125 гг.), хотя для решения ряда исследовательских задач требуется рассмотрение предшествующего периода, т. е. так называемой додинастической истории киданей (III-IX вв.), и последующего, а именно 1125 – 1218 гг., времени существования Западнокиданьского государства Си Ляо.

Территориальные рамки работы. Проблематика исследуется преимущественно на материале региона Восточной Азии, более точно Северного и Северо-Восточного Китая, Маньчжурии и Монголии, хотя в силу специфики развития тюрко-монгольского мира и этнополитической жизни региона приходится обращаться и к материалу по истории близлежащих территорий, например, Сибири (взаимодействие киданей с сибирскими племенами и родами) или Центральной Азии, где существовало Западнокиданьское государство.

Источниковая база. Непроста проблема *источниковой базы* исследования. То, что именуется письменными источниками, представляет собой сочинения, написанные либо современниками киданей, как правило, в виде кратких экскурсов в их историю, составленных на основе отчетов послов, либо китайскими авторами, работавшими уже с остатками артефактов киданьской империи. Мусульманские и европейские авторы были представителями иных цивилизаций и их интересовали лишь военно-политические аспекты киданьской истории. Два основных свода информации о киданьском государстве, «Ляо ши» («История династии Ляо») и «Цидань го чжи» («История государства киданей»), были составлены высокопрофессиональными исследователями. Они и считаются современными исследователями основными источниками по киданьской истории. Однако, как будет показано в отдельной главе, отбор текстов был сделан намеренно, очень профессионально и осуществлен с целью скрупулезной иллюстрации своего, а не киданьского, концептуального видения ляоского мира. В силу сказанного эти тексты не могут быть использованы только в качестве источников необходимой информации, но в гораздо большей мере должны считаться фактами историографии.

Тем не менее, в целом диссертация опирается на вполне репрезентативное собрание документальной информации. Поскольку многие проблемы киданьского социума, безусловно, имеют в качестве важнейшего источниковедческий аспект, были использованы не только оригиналы этих текстов, но и их переводы, выполненные высокопрофессиональными исследователями и имеющие тщательные комментарии.

Теоретико-методологическая основа исследования включает совокупность взаимопроникающих и взаимодополняющих теоретических представлений, составляющих соответственно три уровня исследования (макро-, мезо и микро-уровни).

Высший уровень сформирован из теоретико-исторических подходов и разработок.

В основе современной методологии исторического исследования часто лежит необходимость в междисциплинарном синтезе и именно по этой причине в основу методологического видения темы положен *принцип междисциплинарности*, означающий, как свободу выбора методологической ориентации, так и взаимодействие различных познавательных приемов.

Тема данного исследования к тому же связана с такими феноменами, как империя и элита, которая давно, а в последнее время особенно, привлекают внимание исследователей. Эта проблематика многоаспектна. Изучение «цивилизации» как континуума и «культуры» как механизма ее адаптации к определенной пространственно-временной ситуации подразумевает, что выбор лишь одной из технологий не возможен в принципе.

Важнейшим методологическим принципом, обязательным для данного исследования, является *представление о диалектическом развитии цивилизации*. *Системный подход* помог подойти к цивилизации, культуре, империи как к целостным явлениям. Вполне естественно, что при проведении исследования автор руководствовался принципами объективизма, историзма, комплексности и системности.

При работе над темой невозможно в той или иной мере обойтись и без методов исследования ментальностей ученых, для которых ментальность – это результат взаимодействия, трения социальных статусов.

Поскольку рассмотрение такой темы требует работы, как минимум, на двух уровнях исследования (история общества как эмпирический и фактологический уровень, философия истории – метатеоретический уровень), то, естественно, потребовалось использование самых различных исторических методов. Были использованы *методы перехода от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнения*

и обобщения, «восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному», системного анализа, классификации и т. п.

В качестве принципов и методов *среднего уровня* оптимальными представляются следующие. Особо необходимо отметить применение *системного подхода*, основанного на диалектических принципах взаимосвязи части и целого, а также взаимосвязи частей в целом, при анализе объектов как систем. Необходимым для нашей исследовательской методологии является *принцип историзма*, рассматривающий каждое культурное явление в процессе развития и одновременно в связи с конкретной исторической обстановкой. Он подразумевает рассмотрение исторических процессов и явлений в их развитии, взаимосвязи и взаимодействии, и *принцип детерминизма*, признающий обусловленность исторических событий политическим, экономическим, культурным контекстом. Принцип историзма помог, прежде всего, в решении наиболее сложных и важных вопросов – эволюции киданьского общества и его элиты. В частности, именно на основе данного принципа были выявлены факторы, обусловившие его возникновение и развитие.

Особенностью данного исследования является рассмотрение в той или степени трансформационных процессов в средневековой социуме, в результате чего оправданным становится применение *метода исторических аналогий* и *сравнительно-исторического метода*. Этот метод включает в себя свойственный конкретно-историческому познанию критический анализ текстовых источников.

Логико-исторический метод послужил в качестве конкретного способа организации и анализа материала. Все явления и процессы рассматриваются в историческом плане, как не только проявление какой-то универсальной, общечеловеческой тенденции, но и порождение специфической исторической ситуации. Диссертационное исследование опирается на диалектическое осмысление прошлых и современных социокультурных явлений и максимально активно использует *традиционные методы исторического исследования*:

структурно-функциональный, историко-генетический, историко-типологический, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-биографический, принцип объективности, терминологический анализ, метод актуализации, метод периодизации, прием перспективности. Принцип объективности потребовал опираться исключительно на факты, полученные после тщательного анализа исторических текстов. Среди методов, основанных на опыте исторической науки, применялся и ретроспективный метод, подразумевающий последовательное проникновение в историческое прошлое с целью определения причины того или иного события.

Кроме того, были использованы методы герменевтики. Для правильного понимания письменного источника надо помнить, что анализ того или иного текста должен производиться в условиях исторического контекста, а терминология, использованная в тексте, не имеет однозначного перевода даже в рамках текстов одного периода.

Работа имеет дело с конкретным историческим материалом и потому активно опирается на приемы обработки этого материала, иной раз и на *микроуровне*, выработанные одновременно именно в исторической науке. Это *интерпретативный метод*, позволяющий выявить основные характеристики отражения проблемы в конкретном тексте; *метод культурно-контекстуального анализа*, позволяющий определить взаимосвязь произведения и культурно-исторического контекста его создания и рецепции путем изучения внутренней связи текста с общими тенденциями и идейными характеристиками эпохи возникновения, контекстуально обусловленных особенностей восприятия текста (в различные эпохи), а также значения заключенных в тексте идей в контексте мировой культуры; *компаративный метод*, позволяющий провести сравнительный анализ различных путей осмысления определенного феномена или проблемы; *аксиологический метод* в изучении ценностных ориентации сознания через определение их отношения к той или иной проблеме.

Кроме того, по мере необходимости был реализован подход, заключающийся в использовании методов и приемов, выработанных не только историей, но и культурологией, философией, экономикой, социологией.

При работе над темой очень рано выявилась необходимость отразить свое понимание терминов, которые широко и даже несколько беспорядочно используются в науке, дать их применимое к данной проблематике «рабочее» значение. Термины «цивилизация», «культура», «религия», «парадигма», «империя» особенно необходимы при анализе комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями различных цивилизаций.

Научная новизна работы. Проведенное исследование является первой попыткой на материале ключевых проблем нового по характеру и целям рассмотрения истории деятельности кочевой элиты на материале истории киданьских государств Ляо (907-1125) и Западная Ляо (1125-1218).

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Даны углублённые и по-новому интерпретированные, с акцентированием на культурологическом и конкретно-историческом аспектах определения ключевых для данного исследования понятий: «цивилизация», «культура», «империя», «кочевая империя», «элита», «возрождение», «управляющий класс». Предложена по-новому аргументированная иерархия историко-культурных факторов, отражаемых каждым этим понятием.

2. Представлена новая характеристика деятельности кочевой элиты на примере классической кочевой империи Ляо, прослежены важнейшие последствия внутрицивилизационных социополитических и культурных процессов, на которые повлияла эта деятельность.

3. Введена и обоснована новая характеристика верхов общества как «управляющего класса», который структурирует и упорядочивает социополитическое и культурное пространство, создает оптимальную

социокультурную модель и вырабатывает необходимые механизмы ее трансляции во времени и пространстве.

4. В поле историко-теоретического исследования впервые вводится представление о кочевой элите как конструкторе и трансформере социокультурной модели, без чего развитие цивилизации в период аграрного по преимуществу общества в принципе невозможно.

5. Выявлены и охарактеризованы общецивилизационные и конкретно-социальные задачи элиты, предлагающей обществу в целом и каждому его члену «цель» экзистенциального существования и формы и средства ее достижения и соответственно обосновывающей необходимость парадигмального и целенаправленного развития социума.

6. Проанализированы результаты деятельности кочевой элиты, которая развивает парадигмальные идеи, лежащие в основе специфической цивилизационной кочевой модели, и разрабатывает необходимые механизмы ее трансляции.

7. Показана и обоснована роль кочевой элиты как на общегосударственном макроуровне, так и в различных конкретных сферах деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Империя – это не просто форма государства, а особая его стадия, для которой характерно наличие преимущественно аграрной экономики. Империя здесь – алгоритм оформления цивилизации и ее апогей и механизм сопротивления военному и культурному натиску извне. «Кочевая» империя - такое государственное образование, политические, экономические и культурные центры которого находится в степной зоне, хотя со временем в него и входят те или иные оседлые районы. Оно есть результат не захвата, а тех внутренних процессов, которые шли именно в кочевой зоне.

2. «Кочевая империя» – восточноазиатский феномен. Она появляется на таком этапе развития кочевой цивилизации, когда она достигла предела своего

внутреннего развития. Империя Ляо, представляет собой закономерное звено в цепочке государств-империй того времени.

3. Империя Ляо – продукт деятельности киданей, сыгравших исключительную роль именно в процессе государствообразования, объединения и развития степной Монголии. В этом плане они могут именоваться «народом – элитой».

4. Империю Ляо можно считать апогеем этатического развития восточноазиатских кочевников. Строго говоря, киданьская «идея», если так можно выразиться, и сводилась к строительству самобытного государства.

5. Территория Ляо стала своеобразным центром и перекрестком культур — сибирских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, китайских. Именно здесь и стал образовываться новый этнополитический и культурный центр.

6. Именно киданями была основана классическая кочевая империя.

7. Можно говорить, что благодаря киданям в монголоязычной зоне впервые происходит появление феномена развитой политической власти. Властные отношения не новость для кочевников. Ляоский правитель — это новое для всей Азии. Здесь объявлялось, что новое государство представляет интересы всех племен, а в зоне проживали не только монголы, но и тюрки, тунгусо-маньчжуры, китайцы.

8. Историческое значение киданей велико.

Это первый кочевой народ, который:

- создал не союз племен, а государство.
- создал постоянную армию как своеобразный трансформер: основу составляли регулярные отряды, к которым присоединялись войска племен и отряды родов.
- создал свою письменность.
- стал своеобразным мостом между Сибирью и Восточной Азией.

•стал не просто «следовать заветам предкам», т. е. традициям, но и строить новое государство.

9. Киданьский вариант, существовавший тысячу лет, - один из редких в истории Восточной Азии практически чистых примеров полноценного формирования имперской культурной традиции на основе ментальной культуры.

10. Этноментальная конструкция «кидань» («цидань») стала этнической основой будущего монгольского этноса. Это было, по сути, первое крупное средневековое собрание монгольских родов и племен в единое сообщество. Именно киданьскую ментальность можно рассматривать как первое проявление общемонгольской ментальности (протооснова).

11. Кидани стали первым крупным народом в истории кочевой зоны. По сути, шел процесса складывания «киданьского народа» как имперского конгломерата.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании основы для более глубокой и перспективной концептуализации истории этой деятельности, выработке идейных и структурных предпосылок для развития дальнейших исследований в этой сфере. Это способствует расширению предметного поля востоковедения в целом и кочевниковедения в частности и новой интерпретации терминологического аппарата в соответствующих сферах, открывает новые научные перспективы.

Основания для этого коренятся в открывшихся научных перспективах, адекватной репрезентативности источников и очевидной подготовленности исследований в данном направлении во многом также благодаря разработке ряда важнейших методологических концепций в современных гуманитарных науках – комплексе исторических наук, культурологии, социологии.

Практическая значимость работы заключается, прежде всего, в привлечении внимания исследователей к элитологическим аспектам истории киданей и их государств, во вводе в научный оборот обоснования необходимости новых ракурсов рассмотрения этой истории. Методологические подходы,

основные положения и выводы диссертации могут использоваться в дальнейших исследованиях как указанной темы в целом, так и отдельных частных ее проблем. Кроме того, результаты могут быть применены в рамках различных учебных курсов, таких как «История Востока», «История средних веков», «История стран Азии и Африки в средние века», «Политология», «Элитология». Результаты могут также применяться при подготовке специальных курсов и квалификационных работ студентов. Результаты исследования могут быть использованы в образовательной работе в высшей школе, в курсах политологии, культурологии, социологии, антропологии. Положения диссертации дают возможность внесения существенных корректив в концептуальную основу соответствующих разделов этих курсов.

Материалы исследований в течение последних сорока с лишним лет были опубликованы в нескольких монографиях и учебных пособиях, а также применены в сфере образования в виде дополнений к курсам «История стран Азии и Африки», «История и культура Китая», «История средних веков», «История средневековой культуры», «Мировая художественная культура», «История культур и цивилизаций», а также в виде специальных курсов, таких, как «Кидани и империя Ляо», «Восточная Азия в средние века», «Средневековая Европа и ислам», «Представления средневековых европейцев о кочевых народах Востока» и др. – в вузах Новосибирска (НГУ, НГПУ, НГТУ, Русско-немецкий университет) и Кемерово (КемГУ).

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на рассмотрение научного сообщества в виде опубликованных статей, в том числе 21 – в рецензируемых журналах, входящих в списки ВАК, а также в виде 9 монографий, 82 статей в различных изданиях, серии учебных пособий, научных и учебных материалов на ряде сайтов. Результаты были также представлены в виде выступлений на конференциях и семинарах *международного уровня*: Исторический опыт освоения восточных районов России (Владивосток, 1993);

Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур (Новосибирск, 1995); Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Третья международная научная конференция (Челябинск, 1995); История мировой культуры и методы ее преподавания (Новосибирск, 1995); Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность (Москва, 1995, 1997); Сибирь в панораме тысячелетий (Новосибирск, 1998); Сибирь в истории и культуре зарубежных стран (Иркутск, 1998); История и культура Востока Азии (Новосибирск, 2002); Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (Новосибирск, 2002); Чингисхан и судьбы народов Евразии (Улан-Удэ, 2007); Медиевистика XXI века: Проблемы методологии и преподавания (Кемерово, 2007); Политическая культура в истории Германии и России (Кемерово, 2009); Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья (Алматы, 2009); Иерархия и власть (Москва, 1998, 2000, 2004, 2006, 2009); Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири (Улан-Удэ, 2010; Улан-Батор, 2012; Кызыл, 2014); К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России (Санкт-Петербург, 2013); Гуманитарные науки и образование в XXI веке (Кемерово, 2012); Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии (Улан-Удэ, 2015); Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири (Хух-Хото, КНР, 2015); *всероссийского уровня*: Всесоюзная буддологическая конференция (Москва, 1987); Арсеньевские чтения (Уссурийск, 1992, 1994); Макушинские чтения (Омск, 1997; Новосибирск, 2003; Красноярск, 2009); История и историки высшей школы России: уроки, проблемы, идеи (СПб., 1998); Интеграция археологических и этнографических исследований (М., 1999); Россия и Китай на дальневосточных рубежах (Благовещенск, 2002); Россия и Китай на дальневосточных рубежах (Благовещенск, 2002); Россия, Запад и Восток. История взаимоотношений (СПб., 2003); Народная культура: личность, творчество, досуг (Омск, 2003); Сибирь на перекрестье мировых религий (Новосибирск, 2005, 2011); Народы Евразии. Этнос,

этническое самосознание, этничность: формирования и трансформации (Новосибирск, 2005); Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация (Уфа, 2005); Восток – Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура (Новосибирск, 2007); Гуманитарные проблемы военного дела (Новосибирск, 2015, 2016); История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти» (Красноярск, 2015); на конференциях *межрегионального и регионального уровней*.

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования и исходит из принципа наиболее полного и доступного изложения материалов и выводов, представленных в ней. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная новизна исследования, выявляется степень изученности темы, научная и практическая значимость работы, ее цель и круг решаемых задач, определяются ее хронологические и территориальные рамки, цели и задачи, объект и предмет изучения, охарактеризованы методологическая основа диссертации и методы исследования, практическая значимость. Здесь же приводятся данные об апробации ряда материалов, вошедших в данную работу, определяется и обосновывается ее структура

Глава первая «Государство Ляо как кочевая империя» посвящена проблемам, связанным с некоторыми общетеоретическими и методологическими основаниями для рассмотрения киданьского государства в качестве кочевой империи.

В первом параграфе «Кочевая империя как феномен истории евразийской кочевой цивилизации» рассматривается возможность и необходимость применения термина «цивилизация» по отношению к кочевым обществам.

Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать определенный «мир» как пространственно – временной культурный континуум. Средневековые цивилизации - это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, - складывание не только общецивилизационной парадигмы, но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Сказанное можно применить и по отношению к кочевому обществу.

Введенный в научный и общественный оборот фактический материал позволяет выделить по аналогии с оседлыми цивилизациями цивилизационные или «мировые» признаки территории расселения кочевников. Неудивительно, что они практически полностью совпадают с признаками модели оседлой цивилизации: определенность территории, определенность исторического периода, стабильность и длительность существования цивилизационной зоны, уникальность исторического развития, этноцентризм, этнокультурная «гибридность», самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость, этнокультурный экспансионизм, традиционализм, противопоставление себя остальным народам и особенно цивилизациям, сложное взаимодействие различных этнических и социальных групп в цивилизации. специфический «мировой язык» как синтетический, впитывающий в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов и племен цивилизационной зоны, своеобразие форм государственного и социального развития, возможность складывания предельно централизованного государства и особая сила «верховой власти», монархическая форма правления и особая роль правителя, специфика представления о сакральном и сверхъестественном «начале», специфический

аксиологический набор как комплекс моральных норм, социальных рецептов и их обоснований, особое представление об истории», сложное взаимоотношение человека и природы, особая роль и преимущественная ценность земли и др.

Задача любой «империи», и кочевники не исключение, - не завоевания, а максимально упорядоченное структурирование определенного пространства, для которого характерна пестрота и иерархия различных «лоскутков» – экономик (кочевой в разной степени развитости у монголоязычных и тюркоязычных племен и оседлой у различных подчиненных народов), языков, культур, этносов.

Функции любой империи, в том числе кочевой, помимо этого: организация регулярности общерегиональных торговых и культурных связей, продукто- и товарообмена, совместной обороны, совместной экспансии, единой религиозно – культурной системы, способной противостоять вызову (вызовам) извне и изнутри, единого идеологического пространства, распространение единого, универсального образца, в конечном итоге, объединение региона и упрочение этого территориального объединения.

«Кочевой» империей нельзя считать любое государственное образование, в создании которого принимали участие кочевники. В данном случае под «кочевой империей» понимается такое государственное образование, политические, экономические и культурные центры которого находится в степной зоне, хотя со временем в него и входят те или иные оседлые районы. Оно есть результат не захвата, а тех внутренних процессов, которые шли именно в кочевой зоне.

Кочевой империей нельзя считать любое крупное государственное объединение, созданное непосредственно кочевниками. Классическими кочевыми империями можно назвать державы Хунну, Ляо, Цзинь, Юань. В этом плане «кочевая империя» – восточноазиатский феномен.

Зона обитания восточноазиатских кочевников фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтальная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций.

Как любая империя, кочевая имеет свои исторические границы. Она начинает сходиться со сцены примерно в то же время, что и классические империи.

Во втором параграфе «Кочевая империя киданей и ее специфика» речь идет о модели киданьской империи.

История Ляо особенно ярко демонстрирует то, что «империи» являются особым вариантом цивилизационного геополитического «ядра» и есть не просто форма государства, а особая его стадия, для которой характерно преобладание аграрной экономики («феодализм»).

Историю киданьской государственности можно разделить на два этапа: 907/916 – 1125 – эпоха Ляо; 1125 – 1218 – трансформация имперской системы и образование Си (Западного) Ляо.

В империи киданей шли сложные экономические и политические процессы, следствием которых было разрушение локальных социально-экономических организмов и очень медленное складывание организма регионального.

Для киданьской империи характерен еще ряд признаков: развитая система управления, многоступенчатая социальная структура, сочетание горизонтальной (в пределах рода или социального слоя) мобильности и вертикальной, многоуровневая социальная организация, переход от этнополитического принципа общественного устройства к социально-политическому, развитая экономика, регулярная армия, иерархическая система государственных чиновников, бифеализм власти («соправление» императорского клана Елюй и клана императрицы Сяо), большая роль династического фактора в истории государства и др.

Глава вторая «Киданеведение как одно из направлений истории изучения кочевников и их элиты» рассматривает историю изучения киданей и их элиты в исторической перспективе.

В первом параграфе «Специфика изучения киданьской проблематики» говорится об основных и принципиально важных особенностях изучения киданей, их элиты и государства.

Можно говорить о складывании и сосуществовании различных имиджей киданей.

Имидж, который еще предстоит реконструировать, был создан самими киданями в период своего существования. Он не дошел до нас, ибо огромное количество их текстов и артефактов было уничтожено временем и потомками. Информация о киданях все же была собрана и уцелела во многом благодаря победе китайской точки зрения, которая нашла отражение в «Ляо ши», традиционной китайской династийной истории. Она создавалась в период катастроф, время политического «Большого взрыва» (XIII-XVII вв.), и, справедливости ради надо сказать, что эта процедура складывания нового историко-этнического атласа все же хотя бы сохранила память о киданях.

В средневековый период сложились две крайние позиции. Мусульмане считали их осколками народа, отсюда и основное значение слова «кара», а китайцы их династию называли ортодоксальной, но китайской.

В истории изучения киданей и их государств четко выделяются четыре особо крупных направления:

- 1) дальневосточное (киданьская, китайская и монгольская историография);
- 2) евро-американское (французская, английская, немецкая и североамериканская литература);
- 3) русское;
- 4) средневековое арабо-персидское.

Естественно, начало изучению было положено непосредственными соседями киданей – китайцами. Первый этап этого изучения можно назвать собирательным. Он пришелся на время формирования самого этноса, т. е. на додинастийный период (III–IX вв.).

1. Своеобразным свидетельством начала этого изучения является само появление этнонима «цидань».

2. Второй важнейшей проблемой, доставшейся историкам от того времени, является проблема происхождения киданей.

3. Важнейшей практической проблемой, которая, тем не менее, имела и историографический аспект, стала проблема цивилизационной принадлежности киданей.

Выделенные проблемы не случайно возникают именно в это время. Кидани играют одну из самых заметных партий на восточноазиатской геополитической шахматной доске и крайне необходимо определить их связь с тем или иным конгломератом народов и племен, тюрками или монголами (проблема происхождения этноса), и отношение к оседлым народам (проблема отношения к Китаю как цивилизационный выбор).

Второй период (династический) занимает особое место в истории дальневосточной киданеведческой традиции. В это время существенно расширилась и качественно изменилась источниковая база – устная традиция окончательно уступила место письменной. Особого внимания заслуживает «Ляо ши» («История династии Ляо»).

Проблема происхождения киданей как этноса в официальной имперской историографии начинает подменяться проблемой происхождения династии. Это стимулировало появление еще одной проблемы, связанной с определением места киданей в кочевом мире. Фактически с этого периода началось основательное изучение социально-экономического и общественного строя государства Ляо.

Здесь важна еще одна методологическая проблема. Тексты этого периода, описывающие киданей и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения самого государства, хотя и на основе в той или иной мере тех записей, которые велись самими киданями. И «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане называть их письменными

источниками в реалии можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники» нельзя в данном случае и игнорировать, ибо эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени.

Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей. «Ляо ши» – монголо-китайский текст, а не киданьский, к тому же написанный спустя сотню лет.

История изучения киданей это и история попыток понять их на фоне создания непротиворечивой картины истории в рамках той или иной идеологии, т. е. история разных методологических подходов, прежде всего самых крупных. В средневековый период превалировал этнополитический подход, в рамках которого диалектически сосуществовали две методологии: через религию (т. е. цивилизацию) и через государство. Именно в это время появляются и разные имиджи их, которые существуют до сих пор.

Третий период начался после крушения киданьской империи и в рамках дальневосточного региона продолжается до сих пор. В его начале использовался и адаптировался богатый киданьский «опыт» для новой государственности и ситуации (монголы, маньчжуры).

В XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов, в том числе и киданей. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз.

«Ляо ши») и аналитические исследования (К. А. Виттфогель, Фэн Цзяшэн). Этому способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа.

Во второй половине прошлого века происходит Большой методологический взрыв в истории. На первой стадии этого процесса чаще всего идет сравнение цивилизаций (сравнительно-цивилизационный подход), однако постепенно выявляется потребность перехода на второй уровень, дабы адекватно понять и оценить цивилизационную специфику и роль *всех* народов, их *креативную* роль (не количественное измерение, а глубина). Критерий – не способность народа к захвату территории (пространства) или длительность его существования (время), а обустройство мира. Отсюда появление новых методологий и попытки не описать, а объяснить суть исторических процессов. Но складывается и ситуация своеобразного методологического наводнения. В противовес монизму и эволюционизму широко распространяются представления о полилинейном развитии истории и переосмысление терминологии, попытки создать новый понятийный аппарат. Его пытаются вывести из исторического материала.

Во втором параграфе «Донаучный период истории киданеведения и его специфика» на конкретном материале иллюстрируются те особенности средневекового киданеведения, которые были выявлены в предыдущем параграфе.

Можно выделить несколько проектов, в рамках которых создавались первоначальные имиджи киданей и ставились перспективные проблемы.

Восточноазиатские тексты: рождение традиционных образов киданьского государства. Систематическое изложение истории киданей, где об их государстве и праве можно найти относительно подробные сведения, содержится практически только в двух исторических сочинениях – «Цидань го чжи» («История государства киданей») и «Ляо ши» («История [династии] Ляо»). «Цидань го чжи» представляет собой в большей степени историю киданьского этноса, тогда как «Ляо ши» - это история династии, т. е. этактической конструкции. В результате мы

имеем максимально возможное в те времена проникновение в две наиболее важных темы – народ как геополитический актор и государство как цивилизационно-этатическая конструкция.

Свое место в истории изучения киданей занимают *мусульманские исторические и географические сочинения о восточных и западных киданях*. В них содержатся более подробные, по сравнению с китайскими, сведения не только о политической истории западных киданей, но и об экономике, культуре, обычаях.

Латинские сочинения XIII в. (Г. Рубрук, П. Карпини, М. Поло, Р. Бэкон и др.) не содержат значительной фактологической информации о киданях, но во многом именно они заложили методологическую основу для последующей трактовки не только монгольской, но и киданьской истории и культуры.

Маньчжурский проект XVII в. сыграл заметную роль в изучении киданьской истории. Речь идет о переводе трёх китайских династийных историй «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши» на маньчжурский язык. С одной стороны, маньчжуры в фактологическом плане не добавили ничего нового в эти тексты, однако, с другой, ценны их комментарии к текстам и понимание истории и культуры трех выдающихся народов Евразии. Благодаря этому проекту появилась возможность просмотреть историю Восточной Азии на протяжении почти полутора тысячелетия в динамике, что и современным исследователям дает уникальную возможность эффективно использовать компаративистский подход.

Параграф третий «Научная историография истории киданей и современное состояние изучения» рассматривает проблематику, связанную со становлением и развитием современного понимания истории киданей.

Научный интерес к истории киданей и их государств, как и ко всей истории кочевых племен Центральной Азии, возникает в Европе в XVIII в. Он стимулировался общим расширением международных отношений, началом европейской экспансии в страны Востока. Вводя в научный оборот известия восточных авторов, европейские исследователи на первых порах заимствовали их

из книг средневековых путешественников (М. Поло, П. Карпини, Г. Рубрука) и исторических сборников антологического характера, созданных китайскими и мусульманскими историками. Во многом именно представления XIII в. стали методологическим фундаментом для последующего рассмотрения истории киданей. Особое место в истории изучения истории кочевников занимает русская школа.

Глава третья «Этнополитический контекст истории формирования и развития киданьской элиты» посвящена этнополитической истории киданей и их восточного государства.

В первом параграфе «Додинастическая история киданей и ее специфика» рассматривается ряд проблем киданьской истории, начиная с возникновения этой этнической группы и до образования государства.

Проблемы происхождения киданей, их этнической и языковой принадлежности до сих пор являются предметом оживленной дискуссии в востоковедной науке.

В додинастийный период история киданей была сложной и противоречивой. На первой стадии (с III в. и до конца династии Суй, 618) кидани существовали в виде нестабильной конфедерации восьми племен. Вторая стадия представлена племенной конфедерацией Дахэ (начало VII в. - 730 г.), а третья — племенной конфедерацией Яонянь (730-907).

Осмысливая в целом догосударственный период, можно сделать вывод, что это было временем формирования парадигмального знания в киданьской культуре и его экспертизы в массовом сознании. В результате в киданьской истории четко выделяются два бифуркационных момента. Один связан с обретением идеи «цидань», а второй с началом строительства своего государства, которое неизбежно может быть лишь оборонительным в условиях своей слабости и существования многих достаточно сильных противников.

Второй параграф «Империя Ляо как апогей развития киданьского социума» представляет собой проблемно-хронологический очерк истории империи Ляо.

Основателем киданьского государства и династии был вождь племени киданей и представитель рода Елюй Апоки (кит. Абаоцзи, 872 - 927).

Система государственного управления империи Ляо складывалась постепенно. В додинастический период китайские историки фиксируют у киданей традиционные племенные формы управления и лишь к середине VIII в. четко фиксируется начало процесса государствообразования во главе с правителем.

Наследственная монархия фактически была установлена в 916 г. Апоки объявляет себя императором с титулом Тяньхуан-ван (Небесный Император). Новое государство получило наименование «Цидань го» («Государство киданей»), а эру своего правления Апоки обозначил как Шэньцэ (букв.: «Возведение на престол по воле духов»). Такое название эры правления вызывалось необходимостью иметь законное с точки зрения в данном случае кочевой традиции основание для признания его власти различными племенами. Тем самым он подчеркивал, что власть им была не захвачена, а предоставлена «духами», т. е. самим Небом.

В киданьском государстве сложилась двойная система территориально-административного деления, одна часть которой предназначалась для кочевого киданьского, а другая – для оседлого бохайского и китайского населения.

Анализ информации о государственной структуре Ляо позволяет сделать вывод о том, что она несомненно обусловлена имперской сущностью государства и свидетельствует, что, как и в других евразийских империях, в том числе и оседлых, эта форма государства была избрана не ради военно-политических целей и appetитов, а для решения всего комплекса проблем социально-политического и экономического строительства.

Параграф третий «Особенности внешнеполитической деятельности киданьской элиты» рассматривает проблематику, связанную с международным положением империи и ролью элиты в ее проведении.

Кидани сыграли особую роль в развитии Восточной Азии. Они значительно усилили монгольский элемент и создали возможности для более ровного общения тюркской и монгольской зон, если употребить современную лексику, способствовали созданию базы для «братских» отношений этих двух частей тюрко-монгольского мира. В тюрко-монгольском мире окончательно оформляется равновесие составляющих. Однако кидани создали и свой уникальный синтез – первый общемонгольский опыт культурного структурирования.

Даже очень краткий обзор истории тюрко-монгольского мира в особо значимые тысячелетия (I-II тыс. н. э.) позволяет обратить внимание на возможность применения наряду с понятием «кочевая цивилизация» понятия «тюрко-монгольская цивилизация». Это вполне допустимо, поскольку ставить в данном случае во главу угла только хозяйственно-экономический фактор мало. В этом мире значимы также близкая этничность, общая ментальная культура и языковая близость.

Особо значима в киданьской культуре *проблема соотношения «Севера» и «Юга»*. Сохранившийся в письменных источниках материал о внешнеполитической деятельности киданей говорит о вполне зрелом политическом мышлении киданьских правителей и дипломатов, отсутствии примитивных и сугубо бытовых пристрастий в политике, равно как и наивных стремлений к «дружбе» с более могущественным соседом.

Глава четвертая «Место элиты в социально-политической структуре киданьской кочевой империи» раскрывает тему социальной структуры киданьской империи и показывает специфику развития элиты, ее место в этой структуре.

В первом параграфе «Особенности формирования и развития киданьского управляющего класса» предлагается авторская трактовка понятия «элита».

Именно элитологическая история киданьского общества позволяет термины «правлящий класс», «знать», «аристократия» и «элита» рассматривать как самостоятельные дефиниции, развести их в содержательном и семантическом смысле, выстроить их иерархию.

Налицо два сектора и два класса людей. Одни «сидят» на земле, т. е. занимаются производством (крестьяне, рядовые кочевники), другие занимаются вопросами обеспечения бесперебойности развития производственного цикла — обеспечивают охрану территории, распределяют получаемые продукты, регулируют межродовые, межплеменные и межэтнические отношения. Между этими секторами неизбежны проблемные отношения, а порой и конфликтные. Отсюда, вероятно, стоит называть тот класс, который стоит над непосредственными производителями, не классом, который правит, а классом, который управляет, т. е. управляющим классом. Конечно, в реальной жизни эти отношения осмысливаются с помощью дихотомии господство-подчинение, но сущностной здесь является дихотомия производство-управление.

Киданьский материал позволяет говорить о существовании трехуровневого управляющего класса, что и дает возможность в полной мере задействовать все три термина - «знать», «аристократия», «элита».

Низовой уровень, он же базовый, представлен «*знатью*», одновременно как наибольшей в количественном отношении частью, первой по происхождению. Четко прослеживается связь этой родовой знати с определенной территорией, на которой она проживала и трудилась и за пределы которой, как правило, не выходила.

«Аристократию» киданей составляли племенные вожди «восьми кочевий» и другие представители знатных кланов. В рамках империи эти люди регулировали ситуацию не на локальном, а на региональном уровне.

Под «элитой» в данном случае есть смысл понимать правящую верхушку киданьского общества, представленную, прежде всего, родами Елюй и Сяо, и решающую задачи общегосударственного плана.

Знать и аристократия ориентировались на ментальную культуру, а элита, прежде всего роды Елюй и Сяо, на модель «империи» и восточноазиатскую культуру в целом. Соотношение этих ориентаций неизбежно носило характер дихотомии.

Параграф второй «Киданьская элита и династия Елюй» посвящен непосредственно элите как слою населения империи.

В истории киданьского правящего класса модно выделить два периода. В додинастийный происходило формирование знати и аристократии. Основание династии стало революцией, свершившейся неизбежно в условиях, когда стали возникать метарегиональные проблемы, которая аристократия не могла решать в принципе. Это могла сделать только элита.

Среди предпосылок ее появления, прежде всего, необходимо учитывать общецивилизационные. Вместе с формированием цивилизаций складывается вертикальная многоступенчатая модель общества («феодалная лестница»). Это связано с формированием слоев людей, занятых специфическим трудом, – крестьян, рядовых кочевников, феодалов разных уровней статуса, элиты. На этой стадии выделяется и элита.

Реформы Елюй Апоки резко стимулировали процесс формирования киданьской элиты. Он сохранил родовую знать и надстроил надродовую структуру. Новый род поднимается над остальными, претендуя не столько на нечто материальное (земля, богатство), сколько на универсальную власть. Именно универсальная власть становится новым политическим феноменом.

Отличие династийного рода и в том, что он не один из существующих, а как бы начинает новый ряд, наследуя все государство, а не то или иное родовое владение. Род Елюй это своеобразная *universitas* (корпорация) правителей. Правители становятся «наверху» общества, выше них только «Небо» или «Бог» как система традиций и рецептов, договоров и ограничений и получают свое обоснование и «право» на управление уже не в качестве ставленников племени, а как креатуры сверхъестественных сил (исполнители Воли Неба).

Вся история Ляо это почти исключительно история элиты. Социальных движений почти нет, мятежи направлены не на борьбу с государством, а на создание возможностей войти во власть. Уже одно это говорит о высокой социальной активности киданьской элиты.

Киданьская элита реализует конкретные функции, имеющие общеимперское значение – редистрибутивные, реципрокационные, дипломатические, регулирующие, религиозные, охрана территории, руководство войсками.

Кроме того, важны и такие функции киданьской элиты, как:

1. Гносеологическая. Элита формирует систематизированное, концептуальное знание о всей культуре этноса, об этапах ее развития и сущности культурных процессов, т. е. формирует в итоге историческую память.

2. Аксиологическая. Элита формирует шкалу ценностей сего народа и его государства, начиная от родовых традиций до имперской идеологии, связывает их в единую аксиологическую систему.

3. Коммуникативная. Элита формирует параметры и механизмы внутриэтнического и межэтнического общения, тем самым обеспечивая эффективное функционирование этнополитической культуры как механизма диахронного (между поколениями) и синхронного (стабильность интеграции в пространстве региона) этно-социального функционирования.

4. Интегративная. Элита осуществляет меры, направленные на формирование метарегионального социума («народа») на основе единых ценностей.

5. Информационная. Элита формирует артефактно-символический пласт культуры, вырабатывая культурную символику и создавая произведения культуры.

6. Мировоззренческая. Элита создает представления о прошлом, настоящем и будущем состоянии этноса, его общества и культуры как «порядке», принципиально отличном от всего окружающего «хаоса» («беспорядок» и «несправедливость»).

Параграф третий «Роль элиты в формировании и развитии военной инфраструктуры империи Ляо» рассматривает проблематику, связанную с ролью киданьской элиты в военной сфере.

Сама модель империи подразумевает такое государство, для которого важнее внутренние, а не внешние проблемы. История киданей – это реализация стратегии выживания, основой которой могла быть только идея социокультурного строительства, а военное их дело соответственно – результат выработки социогосударственной стратегии.

В основе военной практики киданей лежит ряд социокультурных представлений и принципов, которые можно объединить выражением «теория войны».

В основе ее была идея избранности киданей с акцентом на особой роли элиты, представленной родами Елюй и Сяо.

Второй важной идеей была идея киданьской государственности в виде империи, т. е. оборонительного, а не наступательного государства.

Третья, очень характерная для кочевников, требовала не прощать обид. Апоки отомстил Бохаю. Кидани наказывали племена цзубу, Китай, чжурчжэней, как нарушителей установленных договоров и отношений.

Четвертая – достижение победы для решения проблемы, но не тотальное уничтожение противника.

Пятая, одна из особо важных, - акцент на своей этнической культуре. Патриотизм был одним из самых сильных оснований киданьской военной теории.

Шестая сводилась к тому, что война вполне имеет право на существование. Все должны быть к ней готовы и ежедневно тренироваться, но не жить ради войны.

Седьмая – армия должна быть особой организацией.

Восьмая – если приходится завоевывать чужую территорию, то это делается для себя, и ее нужно сохранить как свою собственность.

Отдельно и достаточно подробно в данном параграфе рассматривается *состав вооруженных сил империи Ляо, снаряжение, снабжение и подготовка киданьских воинов, организация походов.*

Глава пятая «Экономическое положение империи Ляо и политика киданьской элиты» рассматривает экономическое положение киданьского государства и особенности экономической политики элиты.

В **первом параграфе «Экономическая политика киданьской элиты»** рассматриваются сущностные характеристики политики элиты в экономической сфере.

Анализ письменных текстов позволяет сделать уверенное предположение о сложившейся постепенно практике осознанной экономической политики и регулировании экономических процессов и связать ее преимущественно с киданьской элитой. Поскольку непосредственным производством занимаются сами скотоводы и представители знати, сложными остаются вопросы регулирования экономических процессов и планирования. На региональном уровне этим успешно занимаются аристократы. Однако одной из специфик скотоводческого хозяйства является необходимость существования и использования обширного пространства, включающего в себя ряд регионов, и это означает, что вопросами метарегиональной (общегосударственной) экономики должны заниматься особые слои общества, т. е. элита. Элита не только решает

возникшие проблемы, но и должна заниматься экономическим прогнозированием, выработкой не только краткосрочных, но и средне- и долгосрочных экономических проектов, увязывать их с политическими процессами внутри страны и за их пределами.

Именно время существования трех великих кочевых империй (Ляо, Цзинь, Юань) и знаменует начало второй стадии аграрной революции, когда начинается интенсификация аграрного производства, нашедшая отражение в переходе к комплексной экономике, где скотоводство (на юге и в Европе – земледелие) было системообразующей, но не единственной составляющей. Именно экономика и социальная жизнь, а не этнические процессы постепенно выходят на первый план и появляется необходимость искусственного регулирования. Оседание на землю не надо понимать в традиционном для земледельческих государств смысле как переход к земледелию. На деле это своеобразное закрепление определенной территории за тем или иным этносом.

Киданьская политика, прежде всего, экономическая представляется глубоко продуманной, взвешенной и объективной. Кидани сознательно стержнем экономики империи сделали именно скотоводство, альтернативы коему просто не могло быть в этой зоне. В то же время кидани четко видели неспособность скотоводческой экономики решить все проблемы и стимулировали развитие торговли, как внутренней, так и внешней, хотя тоже до известных пределов.

В итоге можно говорить, что кидани фактически придерживались экономической политики, суть которой можно выразить формулой «одно государство, две экономики».

Параграф второй «Традиционные отрасли хозяйства (кочевое скотоводство, охота, рыболовство) и роль элиты в их развитии» посвящен непосредственно отражению в источниках информации о традиционных отраслях киданьского хозяйства.

Скотоводство сохраняло большое значение в хозяйстве империи Ляо, даже более, судя по «Ляо ши», оно получило дальнейшие стимулы для своего развития. Четко прослеживается политика киданей и по распространению земледелия на своей территории. Процесс вытеснения охоты кочевым скотоводством не завершился полной ликвидацией этой отрасли хозяйства. Второстепенное значение в киданьском хозяйстве имело и *рыболовство*.

Параграф третий «Роль элиты в развитии городской экономики в империи Ляо» рассматривает проблематику, связанную со спецификой развития города в киданьском государстве.

Урбанизация была одной из самых ярких черт в истории Ляо. Кидани не только использовали уже имеющиеся города в районах, заселенных оседлым населением, но и активно, осуществляли их строительство во всех районах империи.

В «Ляо ши» (37 цз.) ясно отмечаются различные типы основанных городских центров: 1) столицы, 2) феодальные владения знати, 3) центры торговли и ремесел, 4) пограничные города.

Эти города были большими центрами и имели многочисленные функции, а именно были сравнительно крупными поселениями, имели значительное и плотное население, специфическую застройку, были центрами не аграрного производства, центрами рыночных отношений и обмена, политико-административными центрами, военно-стратегическими, правовыми, идеологическими, культурными центрами и центрами обмена разными видами деятельности.

Наряду с земледелием с IV по VII вв. у киданей возникли различные ремесла, которые получили дальнейшее развитие в период империи. В империи Ляо господствовали две формы ремесленного производства — государственная и частная. К государственным ремесленным предприятиям относились такие

предприятия, которые имели большое значение для политической или военной безопасности.

В империи Ляо велась оживленная торговля, прежде всего, меновая, однако с X в. деньги в товарном обороте стали играть значительную роль. Складывание сложной комплексной экономики создавало возможности для развития внутреннего рынка. Ляо делилась на племенные области, т. е. уже сложившиеся экономико-этнические области, которые играли заметную роль во всех областях жизни. Империя Ляо была естественным завершением этно-экономического строительства. Киданьская элита много делала для поддержания достаточного уровня контроля над торговыми путями, шедшими через страну.

Глава шестая ««Киданьский Ренессанс» как основная форма культурной политики элиты» касается проблем места и роли киданьской элиты в культурном строительстве.

В первом параграфе «Место и роль ментальности в культуре киданьских государств Ляо (907-1125) и Си Ляо (1125-1218)» рассматривается проблема роли ментальной культуры в процессе эволюции киданьской культуры.

Мы видим формирование этноса, который на протяжении примерно пятисот лет опирается на идеи и рецепты кочевой цивилизации в целом и свои ментальные механизмы. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социально-психологические механизмы и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

Параграф второй «Проблема «киданьского ренессанса» и «имперский» характер киданьской духовной культуры» посвящен некоторым общетеоретическим аспектам киданьской культуры, позволяющим увидеть сложный характер культурного строительства к империи.

Термин «Возрождение» вполне может быть использован по отношению к культурным процессам в кочевых обществах. Киданьский Ренессанс — период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской

династии Елюй. Само Киданьское Возрождение есть смысл определять, как возрождение традиционной киданьской культуры на новой культурной основе – китайской культуре как культуре восточноазиатского метарегиона.

«Киданьское возрождение» было тесно связано с военно-политическими и административными задачами, которые стояли перед родом Елюй, стремившимся к укреплению своей власти на всей территории империи, для чего было необходимо подготовить служебно-административные кадры. Это и обусловило складывание синкретической «имперской» культуры, в которой «материнская» (киданьская) культура используется небывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер.

Параграф третий «Культурные аспекты киданьской имперской истории» рассматривает проблематику, связанную с конкретными сферами имперской культуры.

Специфической была конфессиональная ситуация в империи, на что повлиял не только имперский характер государства, но и сложно идущие реновационные процессы.

Яркой особенностью киданьской религиозной системы является ее синкретичность. Несмотря на определенную веротерпимость киданей и широкое распространение в их среде мировых религий, в отношении большинства их них можно говорить о существовании особой, эволюционирующей в сторону монотеизма, веры, часто обозначаемой термином «тенгриизм».

Конфуцианство и даосизм были распространены в основном на территориях, отвоеванных у Китая. Кидани достаточно рано познакомились с буддизмом и налицо своеобразная киданизация буддизма - целенаправленная политика строительства и укрепления буддийской церкви, соединение с кочевой религией. Это был своего рода пример реформации сверху. В определенном смысле буддизм сыграл консолидирующую роль в государстве. Киданьские императоры

сознательно поддерживали буддизм как своеобразный буфер на границе с китайской культурой.

Ярким примером сознательной реновационной политики киданьских властей является создание в стране искусственного международного «киданьского» языка, действовавшего на этой территории ряд столетий в качестве «мирового языка», синтетического, впитавшего в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов цивилизационной зоны. Он в эпоху Ляо достиг настолько высокого уровня, что играл роль некоей «лингвистической арматуры» в сложной общественной, экономической и культурной жизни киданей и их «мира».

Одним из важнейших свидетельств огромной общественной роли киданьских письменностей является наличие богатой литературы на них. Киданьские литературные произведения являются наиболее ранними образцами монголоязычной литературы.

Примером реновационных процессов в киданьской культуре и свидетельством широкого интереса к миру, во многом спровоцированном именно киданьским Ренессансом, говорит и *рецепция традиционного китайского права* киданями. История киданьского права интересна тем, что демонстрирует более или менее подробно освещенный в письменных источниках вариант конвергенции обычного права кочевых племен и имперского «писаного» права Китая.

Именно кидани стали первым из кочевых народов, в культуре которого произошел революционный переход от мифо-генеалогического циклического восприятия истории к цивилизационно-линейному. В то же время стоит отметить, что накопленный в империи Ляо исторический материал оказался достаточен в количественном и качественном смысле для написания в дальнейшем стандартной династийной истории.

Глава седьмая «Между Западом и Востоком. Судьба киданьского эксклава в Центральной Азии» посвящена истории одного из могущественных

киданьских государств на территории современной Центральной Азии – Западное Ляо (1125-1218).

Первый параграф «Образование и развитие западнокиданьского государства» рассматривает историю создания западнокиданьского государства.

История кара-китаев (западных киданей) – один из ярких примеров взаимного междоцивилизационного сотрудничества различных народов на территории Центральной Азии.

В политических событиях и военных действиях периода гибели империи Ляо в начале XII в. активное участие принял будущий основатель государства западных киданей – *Елюй Даши* (1087 -1142), совершивший беспрецедентный переход с территории Северного Китая в районы Центральной Азии. По масштабам своих достижений он, безусловно, может считаться одним из самых выдающихся людей средневековой Евразии. Так в сердце Азии, на территории Казахстана и Киргизии появилось новое государство Си Ляо (Западное Ляо).

В параграфе втором «Общественный строй государства Си Ляо (Западное Ляо)» анализируется информация об общественном строе западнокиданьского государства.

По размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчжэней и Южносунскому государству. Население империи состояло из оседлых и кочевых племен.

Разгромленная чжурчжэнями киданьская элита, вернее, та ее часть, которая объединилась вокруг члена императорского рода Елюй Даши, попыталась перенести на Запад именно ляосский вариант «мироустроительной» парадигмы. На это указывает сама «Ляо ши», называющая западную династию законной китайской династией и считающая, что ее исторические анналы прямо следуют киданьским образцам (30 цз.). Стоит обратить внимание на то, что киданьский правитель фактически стал тройным правителем с титулами киданьского императора, монгольского гурхана и тюркского хана. Однако, нужно иметь в виду,

что «китайское», как в Восточной, так и в Центральной Азии в это время не означает собственно «ханьское», связанное с династиями, существовавшими в центральном Китае (Суй, Тан, Сун), а является фактическим обозначением того общецивилизационного, что объединяло все народы к востоку от мусульманского мира.

Территория Си Ляо была зоной, где доминировала внешняя торговля, хотя существовали и земледельческие, и скотоводческие районы. Эти районы не были объединены в цельное экономическое пространство, однако, кидани, установив общий контроль, способствовали, как минимум, экономическому самоопределению региона в условиях пошатнувшейся внешней торговли.

Приход в начале XIII в. к власти в государстве найманского хана Кучлука знаменовал собой начало заключительного этапа в истории западнокиданьского государства, когда оно, раздираемое внутренними противоречиями, расшатанное борьбой среднеазиатских народов за свержение ига киданей, потерпевшее ряд крупных неудач на внешнеполитической арене (войны с гуридами, хорезмшахами и т.д.), ослабленное в результате недальновидной внутренней и внешней политики найманского вождя, быстро шло к печальному финишу.

Глава восьмая «Роль киданей и их элиты в формировании монгольской цивилизационной зоны» является своего рода ответом на вопрос, заданный во Введении о месте этого народа и его элиты в истории, и отвечать на него возможно только после конкретно-аналитического обзора истории и деятельности киданьского общества. Это потребовало также иного построения главы. В отличие от других глав в ней сформулирован и обоснован ряд тезисов, в совокупности своей представляющих ответ автора.

Киданей надо рассматривать в нескольких ракурсах — цивилизационном (их роль в истории зоны), этническом (их роль в становлении монголоязычного конгломерата), политическом (их роль в формировании политического созвездия в регионе). Это подразумевает рассмотрение роли киданей в формировании

монгольской цивилизационной зоны, киданьской культуры как неотъемлемой части культуры Восточной Азии и Сибири и важной страницы ее истории и значения деятельности киданьской элиты для дальнейшего развития восточноазиатского метарегиона.

Выделение монголоязычной зоны есть результат многовекового совместного сотрудничества разных народов.

Из монголоязычных народов самую активную роль в истории ее становления и первоначальной эволюции сыграли именно кидани. Кидани фактически первыми предложили идею единства всех народов и племен в промежуточной зоне между Китаем и исламскими территориями, первыми попытались обосновать со стороны кочевников идею культурного единства всего метарегиона. Преемники киданей будут создавать государства не за пределами зоны, а внутри нее, что говорит о далеко не полностью использованных ресурсах зоны и ее перспективных потенциях.

Кидани первыми из монголоязычных этнических групп полностью прошли весь путь от случайного осколка прежнего метаэтнического конгломерата до почти полноценного народа и стали первым народом в истории зоны. Это стало первой стадией формирования единой общности.

Кидани первыми объединили большое количество монгольских племен и создали на этой основе первое собственно монгольское государство.

Кидани создали первую монгольскую кочевую империю. Киданьская элита создает один из самых совершенных этатических механизмов в Евразии. Империю Ляо (907-1125) можно считать апогеем этатического развития восточноазиатских кочевников.

Кидани первыми обозначили государственность как перспективную цель развития всех монголов.

Кидани создали в монголоязычной зоне первую централизованную макроэкономическую систему, которая стала одним из важнейших центров всей

Восточной Азии.

Кидани первыми проводили сознательную макроэкономическую политику и создали эффективные стартовые возможности для развития в будущем самодостаточной монгольской экономики.

Кидани создали первую в зоне милитаристскую систему, включавшую первую в ее истории имперскую армию, состоявшую из государственных отрядов и аристократических и племенных соединений, военно-стратегическую концепцию, эффективную оборонительно-наступательную доктрину, систему физического, интеллектуального и духовного воспитания воинов.

Государственная и военная машины Ляо, важная геополитическая и макроэкономическая роль этой империи стали важнейшим фактором стабильности во всей Восточной Азии и обусловили достаточно мирное ее развитие на протяжении двухсот лет.

Кидани первыми синтезировали монгольязычную культуру того времени и этот синтез стал одним из оснований для будущей общемонгольской культуры.

Эпоха Ляо стала первой монгольской «древностью» (античностью) в истории зоны. По своему значению она уступает лишь Монгольской империи, но в отличие от нее она предлагала, перспективный вариант интенсивного, а не экстенсивного развития.

Кидани разработали первую в истории зоны общерегиональную программу культурного развития.

Именно в империи Ляо произошло первое универсальное Возрождение, своей уникальностью, универсализмом и эффективностью не уступавшее другим евразийским Ренессансам.

Кидани создали первую собственномонгольскую письменность на основе адаптации китайских иероглифов к разговорному языку империи.

Именно в империи Ляо появились первые памятники письменной монгольской литературы (исторические тексты, поэзия).

В империи Ляо были созданы первые в Монголии памятники монументальной архитектуры (пагоды, мавзолеи, дворцы, храмы).

В империи Ляо впервые стали широко создаваться живописные произведения (фрески, картины).

Кидани разработали оригинальную историософию, которая стала одним из идейных истоков монгольского видения истории.

В киданьской культуре и практике явственно виден акцент на идеях мирного сосуществования различных народов и равных прав для них в истории.

Кидани первыми из монголоязычных народов были признаны Китаем как лидером восточноазиатского мира в качестве народа, создавшего полноценную империю и культуру.

Киданьская культура стала неотъемлемой частью культуры Восточной Азии и Сибири и важной страницей ее истории.

Исчезновение киданьского государства и этноса было не следствием их вырождения и деградации, а обусловлено целым рядом метарегиональных факторов.

Опыт существования киданьского этносоциума имеет огромное историческое значение.

В Заключении подводятся итоги исследования. Анализ выбранных ключевых проблем позволяет утверждать, что киданьские государства были одними из крупнейших в Восточной и Центральной Азии в начале II тыс. н. э. и играли более важную, чем считалось до сих пор, роль в политической истории в предмонгольский период. Династия Ляо (Серебряная), существовавшая более двухсот лет, стала первым полномасштабным государством, удовлетворившим всем необходимым критериям государственности, выработанным в «ханьском» мире.

В империи киданей шли сложные экономические и политические процессы, следствием которых было разрушение локальных социально-экономических

организмов и очень медленное складывание организма регионального. Империя и была формой контактов разных регионов и освоения пространства.

Анализ киданьских и китайских исторических текстов позволяет сделать четкий вывод о том, что именно реновационный характер киданьской культуры способствовал достаточно массовому созданию культурных ценностей внутри государства, активному участию этих ценностей в создании и регламентации деятельности имперских социальных институтов, оказывал определенное влияние на темпы и направление развития народов и племен внутри страны, развитию международных коммуникаций, ретрансляции созданной в культурных центрах информации, цивилизационно-культурному экспансионизму.

Нуждаются тем не менее в дальнейшем исследовании еще многие проблемы киданьской истории, в том числе проблемы происхождения киданей, их цивилизационной принадлежности, происхождения династии, соотношения экономических и политических факторов и их роли в становлении и развитии киданьской социальной структуры, места киданьской «кочевой» империи в системе макроэкономических отношений восточноазиатского метарегиона, наличия и специфики «киданьского ренессанса», отношения к «чужим» в киданьской культуре, причин гибели империи, причин передвижения восточноазиатских родов на Запад, специфики экономического развития государства кара-китаев, причин его гибели. Новый свет на историю киданей может пролить решение важнейших общеметодологических проблем: о возможности употребления понятия «кочевая цивилизация», «империя» как феномен евразийской истории, «кочевая империя», кочевая империя как восточноазиатский феномен.

Изложенное в работе понимание истории киданей и их элиты не является некоей ниспровергающей концепцией, ибо принципиально не отрицает всех иных подходов, а, наоборот, во многом используя их, старается увидеть новый,

наиболее оптимальный и максимально непротиворечивый ракурс аналитического рассмотрения.

Основные научные результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

*Статьи в ведущих научных журналах, утвержденных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации:*

1. Пиков Г.Г. Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2002. – Т. 1. – Вып. 2: Востоковедение. – С. 18–30.
2. Пиков Г.Г., Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Киданьский проект // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филология. – 2002. – № 4. – С. 102-106.
3. Пиков Г.Г. О специфике изучения средневековых культур (на материале культуры киданей) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 4. – Вып. 1.: История. 2005. – С. 57–71.
4. Пиков Г.Г. Проблема падения Византии в общем контексте ее развития // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 4. – Вып. 2: История. – 2005. – С. 10–26.
5. Пиков Г.Г. Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Юаньский проект // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. – 2005. – № 4. – С. 93–97.
6. Пиков Г.Г. Историописание в кочевых империях (X – XIII вв.). Статья первая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 5. – Вып. 1. История. – 2006. – С. 5-13.
7. Пиков Г.Г. Судьба китайской культуры в Западнокиданском государстве // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 1 (дополнительный). – С. 3–8.

8. Пиков Г.Г. Историописание в кочевых империях (X–XIII века). Статья вторая: Историософия киданьских государств // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2008. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 24–34.
9. Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 4–10.
10. Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2009. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 19–32 (1 п. л.).
11. Пиков Г.Г. К вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. – № 4. Серия История, филология. – 2009. – С. 67–72.
12. Пиков Г.Г. Европейцы XIII века о Монгольской империи и Чингисхане // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 2. – С. 73–76.
13. Пиков Г.Г. Один из истоков европейского маньчжуроведения (латинское представление о монголах XIII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 18–33.
14. Пиков Г.Г. Рабство в киданьской империи Ляо (907-1125) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 11. – Вып. 1: История, филология. 2012. – С. 9–16.
15. Пиков Г.Г. Два юбилея: архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) и его «Словарь» // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 11. – Вып. 10: История, филология. 2012. – С. 86–90.
16. Пиков Г.Г. Кочевая империя как феномен евразийской истории // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Т. 11. – Вып. 8: История, филология. 2012. – С. 10–15.
17. Пиков Г.Г., Алкин С.В., Демидчик А.Е., Комиссаров С.А. Ad astra // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – В. 4. – С. 219–224.

18. Пиков Г.Г., Комиссаров С.А., Кожин П.М., Алкин С.В. Три юбилея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – В. 10. – С. 86–90.

19. Пиков Г.Г. Место ментальности в культуре империи Ляо (907-1125) // Вестник Кемеровского госуниверситета. Журнал теоретических и прикладных исследований. – 2014. – № 3 (59). – Т. 2. – С. 86–91.

20. Пиков Г.Г. Елюй Тушой – «человек культуры» в кочевом обществе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Том 15, № 10. Востоковедение. – С. 48–53.

21. Пиков Г.Г. Экономическая политика киданьской элиты // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 95–98.

Общий объем: 14, 1 п. л.

Монографии

1. Пиков Г.Г. Западные кидани. – Новосибирск: НГУ, 1989. – 196 с.

2. Пиков Г.Г., Ларичев В.Е. Тюрюмина Л.В. История Железной империи. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 356 с.

3. Пиков Г.Г., Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 220 с.

4. Пиков Г.Г. Христианство и средневековая культура. – Новосибирск: Манускрипт, 2011. – 399 с.

5. Пиков Г.Г. Средневековое христианство и культура. О месте «мировой религии» в истории европейской цивилизации. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co., 2011. – 512 с.

6. Пиков Г.Г. Маньчжурский язык. Старый архив на маньчжурском языке. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 276 с.

7. Пиков Г.Г. Кочевая империя Ляо (907-1125). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – Т. 1. Методологические, историографические и исторические аспекты. – 605 с.

8. Пиков Г.Г. Кочевая империя Ляо (907-1125). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – Т. 2. Социокультурные аспекты. – 617 с.

9. Пиков Г.Г. Киданьская элита в историческом контексте (907– 1218). – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 507 с.

Общий объем: 192,05 п. л.

Публикации в сборниках, журналах и материалах конференций:

1. Пиков Г.Г. Сведения о западных киданях в работе Э. В. Бретшнейдера // Тезисы докладов X научной студенческой конференции. История, филология. – Новосибирск: НГУ, 1972. – С. 75–76.

2. Пиков Г.Г. Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо // Известия Сибирского отделения АН СССР. – 1979. – № 1. Серия общественных наук. – Вып. 1. С. 155 – 161.

3. Пиков Г.Г. Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с. – С. 127–135.

4. Пиков Г.Г. Буддизм в государстве киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. – 1980. – № 1. Серия общественных наук. – Вып. 1. – С. 149 – 155.

5. Пиков Г.Г. Организация военного дела в государстве кара-киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. – 1983. – № 1. Серия общественных наук. – Вып. 1. – С. 103 – 112.

6. Пиков Г.Г. Pikefu G. G. Hala Qidan guojia de junshi zuzhi (Военная организация кара-китаев). Tr. Feng Jiqin // Xibei shidi. – 1984. – №1. – P. 122–128.

7. Пиков Г.Г. Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных обществ Востока. – М., 1985. – С. 31–41.

8. Пиков Г.Г. Китайские и монгольские письменные источники по истории западных киданей // Дальний Восток и Центральная Азия. – М.: Наука, 1985. – С. 106–132. (0,5 п. л.)
9. Пиков Г.Г. О столице государства западных киданей // Восточная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 24–33.
10. Пиков Г.Г. Мусульманские письменные источники по истории западных киданей // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. – Ч. 2. М.: Наука, 1986. – С. 339 – 352.
11. Пиков Г.Г. Западные кидани в истории Средней Азии и Казахстана (1125 – 1218). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 1986. – 17 с.
12. Пиков Г.Г. Буддизм в государстве Киданей // Тезисы Всесоюзной буддологической конференции (Москва, ноябрь 1987г.). – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – 258 с. – С. 60 – 62.
13. Пиков Г.Г. Семейно-брачное право у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 25 – 42.
14. Пиков Г.Г. К проблеме влияния китайского права на уголовное законодательство киданей // Северная Азия и соседние территории в средние века. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–93.
15. Пиков Г.Г. Неизвестная страница русского востоковедения // Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. – Уссурийск: Уссурийский гос. пед. ин-т, 1992. – С. 237 – 239. (0,5 п. л.).
16. Пиков Г.Г. Кидани и цзубу (из истории взаимоотношений киданей и монголоязычных племен в X - XII вв.) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток, 20 – 22 сентября 1993г. – Владивосток: Институт

истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. – С. 85 – 89. (0,3 п. л.).

17. Пиков Г.Г. Беда Достопочтенный об арабах и исламе // VII Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. – Уссурийск: Уссурийский гос. пед. ин-т, 1994. – С. 158–162.

18. Пиков Г.Г. Градостроительство в Западном Ляо (1124–1218гг.) // Третья дальневосточная конференция молодых историков. Тезисы докладов. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальнаука, 1994. – С. 27–29.

19. Пиков Г.Г. Место и роль города в кочевой империи (На примере государства Ляо) // VII Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. – Уссурийск: Уссурийский гос. пед. ин-т, 1994. – С. 158–162.

20. Пиков Г.Г. Христианство и родоплеменное общество (на примере киданей) // Этносы Сибири. История и современность. Сборник тезисов научно-практической конференции, посвященной 60-летию Красноярского края. Ноябрь – декабрь 1994г. – Красноярск: Красноярский культурно-исторический и музейный комплекс, РИО, 1994. – С. 163–166.

21. Пиков Г.Г. Библия и представления европейцев VIII-XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГПУ, 1995. – С. 52-63.

22. Пиков Г.Г. Кидани и Сибирь // История мировой культуры и методы ее преподавания. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 60-летию НГПУ (30 октября – 1 ноября 1995 г.). – Новосибирск: НГПУ, 1995. – С. 92–96.

23. Пиков Г.Г. Малоизвестная страница русского востоковедения (М. Д. Храповицкий) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и

культур. Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок). 26 – 30 июня 1995г. – Т. 2. Археология. Этнография. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 1995. – С. 210–212.

24. Пиков Г.Г. О восприятии монголов европейцами в XIII веке //История мировой культуры и методы ее преподавания. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 60-летию НГПУ 30 октября – 1 ноября 1995 г. – Новосибирск: НГПУ, 1995. – С. 85–89.

25. Пиков Г.Г. Специфика конфессиональной ситуации в кочевой империи (на примере Ляо) //Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов Третьей международной научной конференции. Ч. 3. Фольклор и этнография народов России. Взаимодействие музыкальных культур. – Челябинск: Челябинский госуниверситет, 1995. – С. 176–179.

26. Пиков Г.Г. Изучение истории киданей в дореволюционной России // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Доклады международной научно-практической конференции. 12 – 15 октября 1995 года. – М., Иркутск: АРКОМ, 1995. – С. 86–90.

27. Пиков Г.Г. Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. – Вып. 2. – Ч. 1. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1996. – С. 5–13.

28. Пиков Г.Г. Из культурной истории Центральной Азии (книга у киданей) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй Международной научно-практической конференции 11 – 14 августа 1997 г. Книга первая. – М., Иркутск, Тэгу, 1997. – С. 271– 281.

29. Пиков Г.Г. Книга у киданей // Четвертые Макушинские чтения. 6 – 7 мая 1997 г., г. Омск. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1997. – С. 9–13.

30. Пиков Г.Г. Иоанн Дамаскин и восточно-христианская интерпретация мусульманского вероучения // Гуманитарные исследования: итоги последних лет.

Сб. тез. научн. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: НГУ, 1997. – С. 52–55.

31. Пиков Г.Г. Из истории изучения киданей в Санкт-Петербургском университете в XIX в. (М. Н. Суровцов) // История и историки высшей школы России: уроки, проблемы, идеи. Материалы Девятой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 1998. – С. 13–15.

32. Пиков Г.Г. Неизвестная страница сибирского востоковедения (М. Н. Суровцов) // Из прошлого Сибири. – Вып. 3. – Ч. 1. Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 12–36.

33. Пиков Г.Г. Роджер Бэкон о центрально-азиатских и сибирских племенах в 13 в. // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 15–17 октября 1998 г. – Иркутск: ИрГТУ, 1998. – С. 11–15.

34. Пиков Г.Г. История киданей как составная часть евразийской истории // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. – С. 160.

35. Пиков Г.Г. Религиозно-мифологические представления киданей // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): в 2 т. – Новосибирск: ИАЭТ, 1998. – Т. 1. – С. 478–488.

36. Пиков Г.Г. Народы Сибири в составе кочевой империи киданей // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сб. научных трудов. – М., Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 155–157.

37. Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Проблемы и опыт работы преподавателей. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 103–121.

38. Пиков Г.Г. Специфика конфессиональной ситуации в кочевой империи (на примере Ляо) // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Сб. научных трудов. – Новосибирск: НГПУ, 2000. – С. 51–69.

39. Пиков Г.Г. Роджер Бэкон о центрально-азиатских и сибирских племенах в XIII в. // Из прошлого Сибири. Межвузов. Сб. научн. трудов. – Вып. 4. – Ч. 1. – Новосибирск: НГУ, 2001. – 248 с. 5–15.

40. Пиков Г.Г. Неизвестная страница русского востоковедения (М.Н. Суворцов) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв). Материалы международной научной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. – С. 157 – 160.

41. Пиков Г.Г. Неизвестная страница сибирского востоковедения (М. Н. Суворцов) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – В. 3. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2002. – С. 294-299.

42. Пиков Г.Г. Из истории исторической науки: Карл Август Витфогель // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 8. – М., 2002. – С. 54–77.

43. Пиков Г.Г. Из истории немецкого востоковедения. Карл Август Витфогель (1896-1988) // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2002. – Вып. 3. – С. 98–113.

44. Пиков Г.Г. Исследование средневековой восточной истории в Секторе истории и археологии стран зарубежного Востока ИАЭТ СО РАН // История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9 – 11 декабря 2002 г.). – Т. 1. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 15–28.

45. Пиков Г.Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. – М.: ИА РАН – ЦЦИРИ, 2002. – С. 190–203.

46. Пиков Г.Г. Международное право киданей // Жить законом. Правовое и правоведческое пространство истории. Сб. научных трудов. – Новосибирск, 2003. – С. 3–14.

47. Пиков Г.Г. Киданьский язык как «искусственная» коммуникативная система // Шестые Макушинские чтения. Тезисы докладов научной конференции. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 261–264.

48. Пиков Г.Г. Киданьский проект // Восточная коллекция. – М., 2003. – № 4. – С. 83–94.

49. Пиков Г.Г. Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 67–113.

50. Пиков Г.Г. История киданьского государства Ляо как составная часть евразийской истории // Россия, Запад и Восток. История взаимоотношений. Материалы 29-й Всероссийской заочной научной конференции. – СПб.: Нестор, 2003. – С. 13–17.

51. Пиков Г.Г. Из истории исторической и политологической мысли. Специфика положения женщин в кочевой империи // История и социология государства. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 114–151.

52. Пиков Г.Г. «Возрождение» как особенность развития евразийской культуры // История и теория культуры в вузовском образовании. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 59–77.

53. Пиков Г.Г. Киданьские этнонимы // Народная культура: личность, творчество, досуг (Этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга). Сб. статей и материалов Всероссийской научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента Международной

академии высшей школы, профессора Михаила Ефимовича Бударина. – Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. – С. 72–73.

54. Пиков Г.Г. Киданьские этнонимы как отражение конструирования и эволюции этнического самосознания // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: формирования и трансформации. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 11–26.

55. Пиков Г.Г. Киданьский город // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Сборник научных трудов. – Т. 2. – Новосибирск: НГПУ: НГПУ, 2005. – С. 119–132.

56. Пиков Г.Г. Безмолвствующая культура киданей // ALTAICA X. Сборник статей и материалов. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 141 – 168.

57. Пиков Г.Г., Портных В.Л. Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» (Gesta Francorum et aliorum hierosolymitanorum) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Второй межрегиональной конференции. – Новосибирск, 2005. – С.45–54.

58. Пиков Г.Г. Карл Август Витфогель и «восточный деспотизм» // История через личность. Историческая биография сегодня. Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2005. – С. 390–412.

59. Пиков Г.Г. Памяти хана Кучлука (из истории становления монгольской империи // Вопросы всеобщей истории и историографии. Сборник научных статей памяти профессора А. В. Эдакова. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – С. 171–216.

60. Пиков Г.Г., Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Юаньский проект // Восточная коллекция. – 2006. – № 3. – С. 43–53.

61. Пиков Г.Г., Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Архимандрит Петр (Каменский) как один из пионеров монголоведения // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы Третьей Межрегиональной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 281–292.

62. Пиков Г.Г. Из истории названия «Китай» // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2. Материалы Международной научной конференции. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 111–123.

63. Пиков Г.Г. Между мусульманским Востоком и монгольским Западом (судьба киданьского анклава в Средней Азии) // Медиевистика XXI века: Проблемы методологии и преподавания. Вып. III. Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития. – Кемерово, 2007. – С. 218–254.

64. Пиков Г.Г. Киданьское право // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Александра Витальевича Эдакова. – Ч. I. Новосибирск, 2007. – С. 31 – 54.

65. Пиков Г.Г. О «большой» и «малой» киданьских письменностях // Восьмые Макушинские чтения. Материалы научной конференции 13–15 мая 2009 г., г. Красноярск. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. – С. 9–14.

66. Пиков Г.Г. К вопросу о терминах, применяемых и применимых к средневековой истории // Политическая культура в истории Германии и России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 190–217.

67. Пиков Г.Г. Карл Август Витфогель и «восточный деспотизм» // История через личность. Историческая биография сегодня. Под ред. Л. П. Репиной. – М., 2010. – С. 390–412.

68. Пиков Г.Г. Киданьский «ренессанс» // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 269–281.

69. Пиков Г.Г. «Кочевая империя» как восточноазиатский феномен // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. – С. 281–290.

70. Пиков Г.Г. Представления о монголах в Европе XIII в. // Сакральный образ правителя: Сборник научных статей. – Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 2011. – С. 219–249.

71. Пиков Г.Г. «Кочевая империя» как феномен Восточноазиатской истории // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции (Улан-Батор, 05–09 сентября 2012 г.). – Т. 2. – Улан-Батор, 2012. – С. 420–426.

72. Пиков Г.Г. О «жизненном пространстве» Российской евразийской цивилизации // Гуманитарные науки и образование в XXI веке. Социокультурные и политические трансформации на европейском и евразийском пространстве в новое и новейшее время. Тезисы международной научной конференции. – Кемерово, 2012. – С. 61–65.

73. Пиков Г.Г. О «жизненном пространстве» российской цивилизации // Российская государственность: исторические ретроспективы и современность. Материалы Всероссийской научной конференции к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. – Кемерово: КемГУ, 2012. – С. 129–134.

74. Пиков Г.Г. Феномен династии в кочевой империи (на примере династии Елюй киданьской империи Ляо, 907-1125) // К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России. Сборник материалов международной научной конференции. – Часть 1. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 25–36.

75. Пиков Г.Г. Ордо-гвардия «живота и сердца». Из истории военного дела киданьской империи Ляо (907-1125) // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 134–137.

76. Пиков Г.Г. Место и роль ментальности в культуре киданьских государств Ляо (907-1125) и Си Ляо (1125-1218) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Международной научной конференции в 2

частях/Тувинский гос. ун-т; Отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. – Кызыл, 15-19 сент. 2014 г. – Кызыл, 2014: Ч.2. – С. 60–70.

77. Пиков Г.Г. Еще раз к вопросу о роли войны в истории кочевых обществ // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2015. – № 1 (2). – С. 67–72.

78. Пиков Г.Г. Два народа – две судьбы: почему франки стали нацией, а кидани нет? // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 390–397.

79. Пиков Г.Г. Роль киданей в формировании монгольской цивилизационной зоны // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Т. III. – Хух-Хото (КНР), 2015. – С. 943–952.

80. Пиков Г.Г. Философия войны киданей (III-XIII вв.) // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2016. – № 1 (6). – С. 62–73.

81. Пиков Г.Г. Евразийский характер тюрко-монгольского единства в X–XIII вв. // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2016. № 2 (7). – С. 38–43.

82. Пиков Г.Г. Организация военных походов киданей // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2016. – № 3 (8). – С. 113–118.

Общий объем: 72, 6 п. л.

Совокупный объем: 278, 75 п. л.